

Чумакова Татьяна Викторовна

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В СИНТАКСИСЕ РОМАНА
"ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН"**

Статья посвящена проблеме презентации эмоциональной семантики в художественном тексте. Рассматриваются способы и средства выражения категорий экспрессивности, эмотивности, субъективной модальности и оценки в синтаксисе романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин". Анализируются структурно-семантические особенности восклицательных предложений, функционирующих в речи автора и главного героя романа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 192-196. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. **The Missing Link Between Spreadsheets and Vector Graphics** [Электронный ресурс] // RAW. URL: <http://raw.densitydesign.org> (дата обращения: 15.03.2015).
11. **Sauerberg Lars Ole**. The Encyclopedia and the Gutenberg Parenthesis [Электронный ресурс]. URL: <http://web.mit.edu/comm-forum/mit6/papers/sauerberg.pdf> (дата обращения: 15.03.2015).
12. **Starkman D.** The Future is Medieval [Электронный ресурс]. URL: http://www.cjr.org/the_audit/the_future_is_medieval.php (дата обращения: 15.03.2015).
13. **Viner K.** The Rise of the Reader: Journalism in the Age of the Open Web [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/oct/09/the-rise-of-the-reader-katharine-viner-an-smith-lecture> (дата обращения: 15.03.2015).

JOURNALISM OF DATA AS FACTOR OF OBJECTIVITY IN NETWORK MEDIA

Chernetskii Petr Petrovich

Southern Federal University, Rostov-on-Don

qickweb@gmail.com

The article is devoted to journalism of data, which, in our opinion, may become an integral part of multimedia editions in the future. The paper analyzes the current state of affairs in the mass media, reveals the key problems (including the problems of objectivity, verification and credibility of the author), and makes predictions about the future of network media, directly related to journalism of data.

Key words and phrases: theory of journalism; mass media; methods of journalism; conceptions of journalism; network media; online media; Internet; journalism of data.

УДК 81.367

Филологические науки

Статья посвящена проблеме презентации эмоциональной семантики в художественном тексте. Рассматриваются способы и средства выражения категорий экспрессивности, эмотивности, субъективной модальности и оценки в синтаксисе романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Анализируются структурно-семантические особенности восклицательных предложений, функционирующих в речи автора и главного героя романа.

Ключевые слова и фразы: эмоциональная семантика; субъективная модальность; оценка; экспрессивность; восклицательное предложение; интенсификатор; авторская модальность в художественном тексте.

Чумакова Татьяна Викторовна, к. филол. н., доцент

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (филиал) в г. Арзамасе

chum_2013@mail.ru

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В СИНТАКСИСЕ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»[©]

В предисловии к первому изданию первой главы романа А. С. Пушкин назвал свое произведение «большим стихотворением» и предположил возможность его незавершенности. Это характеризует необычность жанра, синтезирующего в себе лирическое и эпическое начала. Лиризм «Евгения Онегина» является общепризнанным свойством, вытекающим из многочисленных лирических отступлений, раскрывающих образ автора. Но есть и другой взгляд на структурную перспективу романа: «На самом деле отступления – лишь наиболее очевидные проявления, опорные точки насквозь лирической структуры произведения» [5, с. 369]. Лирическая структура романа выдвигает на первый план точку зрения говорящего – автора или персонажа. Такое понимание организации художественного текста соотносится с современными синтаксическими концепциями, описывающими структуру и семантику предложения в аспекте антропоцентризма [2; 10]. Антропоцентрический фактор является своеобразным фокусом, в котором пересекаются такие языковые категории как экспрессивность, эмоциональность и модальность [14].

Экспрессивность – семантическая категория, характеризующаяся различными формами проявления экспрессивной функции языка. Экспрессивность языковых единиц заключается в способности их содержательной стороны отражать эмоциональные и оценочные отношения в виде особых, экспрессивных признаков. На синтаксическом уровне эта категория тесно связана с предложением. Наслаиваясь на обязательное для каждого предложения объективно-модальное значение, экспрессивность привносит в семантику то или иное субъективно-модальное значение [10, с. 403].

Субъективная модальность, отражающая «различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказывания» [2, с. 87], выражается разнообразными языковыми средствами: интонацией, специальными синтаксическими конструкциями, вводно-модальными словами, частицами и другими. Круг субъективно-модальных значений «очень широк, и сами эти значения, почти всегда экспрессивно окрашенные, не во всех случаях могут быть строго и однозначно определены» [9, с. 215].

Важнейшая составляющая экспрессивности – эмоциональность (эмотивность), содержанием которой является чувство говорящего. В лингвистике утвердилось мнение о том, что экспрессия оказывается следствием выражения эмоционального в речи [13]. Такая интерпретация соотношения категорий экспрессивности, эмоциональности и модальности отражает широкий взгляд на границы последней: эмотивные значения относятся к модальным [12, с. 68]. Субъективная природа объединяет с вышеназванными и категорию оценки, представляющую «ценностную картину мира» говорящего [2, с. 88]. В художественном тексте субъективность языковых категорий воплощается в авторской модальности, раскрывающей отношение автора к изображаемому [15, с. 199].

В предложении русского языка выделяют несколько способов представления эмоциональной семантики: а) эмоциональная окраска, б) эмоциональное отношение, в) эмоциональная оценка, г) эмоциональное состояние [3, с. 75]. В настоящей статье прослеживается реализация названных способов выражения семантики эмоциональности в речи главного героя романа «Евгений Онегин», а также в высказываниях автора, связанных с этим персонажем.

Роман в стихах Пушкин представил читателю как плод «Ума холодных наблюдений // И сердца горестных замет» [8, с. 186], предвосхитив тем самым свое пристрастное, эмоциональное присутствие на страницах «пестрых глав».

В речевых структурах главного героя романа (прямой речи, внутренней речи) преобладает такой способ оформления семантики эмоциональности как эмоциональная окраска, свойственная восклицательному предложению. По определению А. М. Пешковского, оно употребляется в том случае, «если мы говорим для того, чтобы, сообщая свои мысли, в то же время выразить и чувства, овладевающие нами по поводу этих мыслей» [7, с. 356]. Универсальным способом оформления выражения эмоциональной окраски высказывания является восклицательная интонация, которая может быть усилена разнообразными «восклицательными словами». Предложения с различными показателями восклицательности используются в первой же строфе романа, во внутренней речи Онегина («Так думал молодой повеса...») – единственного наследника тяжело заболевшего дяди: «Но боже мой, какая скука // С больным сидеть и день и ночь, // Не отходя ни шагу прочь! // Какое низкое коварство // Полуживого забавлять, // Ему подушки поправлять, // Печально подавать лекарство, // Вздохнуть и думать про себя: // Когда же черт возьмет тебя!» [8, гл. I, строфа I].

В первом предложении восклицательная интонация подкрепляется употреблением междометия *боже мой* и словоформы *какая*. Слово *какой* оформляет в составе восклицательного предложения такие семантические компоненты как: а) указание на эмоциональное состояние говорящего, б) интенсивность, в) градация [3, с. 76]. В этом случае экспрессивность создается и на параметрической основе: параметры явления предельно увеличиваются или уменьшаются. Семантический компонент интенсивности обуславливает отнесенность слов *какой, такой, как, так* к «сфере интенсификаторов», являющихся операторами эмотивности и оценочности [4, с. 75].

Восклицательные конструкции различаются функционально: в начале строфы употребляются повествовательные предложения, а заканчивается она риторическим вопросом. В смысловом отношении все три предложения имеют негативную эмоциональную окраску, отражающую состояние раздражения, удроченности Онегина в связи с необходимостью ухаживать за «полуживым» родственником. В данном контексте присутствует и другой способ представления семантики эмоциональности – эмоциональная оценка («хорошо» – «плохо») действия [2, с. 87]. Она выражается преимущественно в конструкциях с инфинитивом, в которых «предикаты – имена чувств (существительные, предикативы): *счастье, удовольствие, наслаждение, ужас, подлость; досадно, стыдно, подло* и пр.» [3, с. 77]. Семантика предиката *скука* совмещает эмоциональное («состояние душевного томления, уныния, тоски») и оценочное («плохо») значения [11, т. 4, с. 125]. В предикате *коварство* («коварный замысел, поступок») на первый план выступает негативная оценка действия [Там же, т. 1, с. 64].

Сочетание различных способов оформления эмоциональности в предложениях первой строфы романа, усиливающее их синтаксическую экспрессивность, обусловлено экспозиционным положением фрагмента текста, в котором намечены черты психологического портрета главного героя. В дальнейшем повествовании личность Онегина получает развернутую авторскую характеристику в серии восклицательных предложений с интенсификатором *как*, образующих стилистическую фигуру поэтической речи – период: *Как рано мог он лицемерить, // Таить надежду, ревновать, // Разуверять, заставить верить, // Казаться мрачным, изнывать, // Являться гордым и послушным, // Внимательным иль равнодушным! // Как томно был он молчалив, // Как пламенно красноречив, // В сердечных письмах как небрежен! // Одним дыша, одно любя, // Как он умел забыть себя!* [8, гл. I, строфа X]. Восклицательные конструкции, синтаксически организующие X–XII строфы первой главы, выступают в текстообразующей и характерологической функциях. Экспрессивность предложений создается ритмомелодическими компонентами интонации, синтаксическим параллелизмом структуры.

В первой главе (где только два персонажа – главный герой и поэт) отношение автора к Онегину двойственно. С одной стороны, Пушкин представляет Онегина своим «добрым приятелем», с которым многое объединяло – не только то, что называется «русской хандрой»: «Томила жизнь обоих нас; В обоих сердца жар угас...» [8, гл. I, строфа XLV], – но и светлые воспоминания: «Как часто летнею порою, <...> // Дыханьем ночи благосклонной // Безмолвно утивались мы!» [8, гл. I, строфа XLVII]. В восклицательном предложении с оператором эмотивности и интенсивности *как* передается эмоциональное состояние радости, безмятежности автора и Онегина, вызванное волшебной прелестью летних «белых» ночей Петербурга. Эта семантика реализуется и в номинативных средствах: глаголе *утивались* в значении «Испытать упоение от чего-л., насладиться чем-л.» [Там же, т. 4, с. 502]. В сочетании с глаголом очень выразительно наречие *безмолвно*, акцентирующее полноту чувств героя романа и поэта, – слова излишни.

Другая сторона отношения автора к Онегину проявляется в том, что «в самой обрисовке героя слишком много такого, что дает право Пушкину в Предисловии говорить о «сатирическом» описании» [5, с. 371]. В конце первой главы Онегин предстает перед читателем в образе, получившем ироническую авторскую характеристику («*Как Child-Harold, урюмый, томный...*»), то есть как человек, которому стали присущи резкость ума, язвительность, желчность. В последующих главах романа эти качества Онегина раскрываются не только в авторских монологах, но и в прямой речи героя, например, в диалогах с Ленским: «*Куда? Уж эти мне поэты!*» // – *Прощай, Онегин, мне пора. // Я не держу тебя; но где ты // Свои проводишь вечера?*» // – У Лариных. – «*Вот это чудно. // Помилуй! и тебе не трудно // Там каждый вечер убивать?*»» [8, гл. III, строфа I]. Восклицательное предложение фразеологизированной структуры с комплексом частицы и местоименных слов *уж эти мне*, занимающим препозицию по отношению к предикативно значимому члену *поэты*, представляет собой высказывание, передающее недовольство говорящего, его ироничное отношение к собеседнику [14, с. 103]. В диалоге реплики Онегина имеют эмотивное значение удивления, субъективно-модальное значение неодобрения и в целом выражают негативную оценку намерений собеседника. Семантика эмоциональности и оценки представлена различными средствами: предикативом *чудно* в значении «Удивительно, поразительно» [11, т. 4, с. 691]; вопросительно-риторическим предложением, включающим оценочный предикатив *трудно убивать (вечер)* с метафорическим значением глагола «заняться чем-л. случайным, ненужным, стараясь заполнить время» [Там же, с. 444]. Онегин, прекрасно зная причину частых посещений Лариных его другом, не считает нужным удерживаться от колких, язвительных замечаний.

Эмоционально-отрицательная тональность высказываний Онегина усилилась после первого визита к Лариным: «*Ну что ж, Онегин? ты зеваешь. – // Привычка, Ленский. – Но скучаешь // Ты как-то больше. – Нет, равно. // Однако в поле уж темно; // Скорей! пошел, пошел, Андрюшка! // Какие глупые места!*»» [8, гл. III, строфа IV]. Эмоциональное состояние Онегина осталось прежним – он скучал до визита, отговаривая Ленского ехать («*Да скука, вот беда, мой друг*»), и испытывал то же чувство после знакомства с семейством Лариных. Но в диалоге героев по пути домой проявляется раздражение и даже злость Онегина. Это очень точно выражено в восклицательном предложении со словом *какие*, которое имеет типичную для восклицания структуру, но необычную лексическую сочетаемость коннотативного оценочного прилагательного *глупые* и существительного *места*. В исследованиях явления коннотации отмечается, что «языковые знаки, содержащие коннотацию, создают экспрессивный контекст и придают тексту в целом субъективную модальность» [1, с. 37]. В данном случае синтагматически эксплицируется не столько внутреннее состояние Онегина в конкретной ситуации, сколько его общая оценка провинциальной жизни в целом.

В следующей строфе речь главного героя заставляет вспомнить о «злости мрачных эпиграмм» – настолько язвительна его оценка внешности Ольги: «*В чертах у Ольги жизни нет. // Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне: // Кругла, красна лицом она, // Как эта глупая луна // На этом глупом небосклоне*» [8, гл. III, строфа V]. Семантика негативно-эмоционального плана выражается в употреблении прилагательного *глупый*, которое, повторяясь в столь же необычных сочетаниях, что и в предшествующем высказывании, передает презрительное отношение Онегина к выбору Ленского, обнаруживает его высокомерие, нежелание щадить чувства других: «*Владимир сухо отвечал // И после во весь путь молчал*» [Там же]. В диалогах начала третьей главы романа не только еще раз отчетливо проявляются черты психологического портрета главного героя, но и предвосхищается трагическая развязка его отношений с Ленским.

Во взаимоотношениях Онегина и Татьяны эмоциональная семантика передается в прямой речи героя с помощью конструкций с предикатами эмоционального состояния, среди которых по частотности употребления в тексте романа доминирует «личный предикатив (“краткое прилагательное”»)» [3, с. 77]: «*Я верно б вас одну избрал // В подруги дней моих печальных, // Всего прекрасного в залог, // И был бы счастлив... сколько мог!*» [8, гл. IV, строфа XIII]. Предикатив «счастлив» является многозначным: он ассоциируется с чувством радости и одновременно имеет позитивно-оценочный характер. Но эти значения вступают в противоречие с общей эмоционально-негативной окраской высказывания Онегина, ответившего на признание Татьяны благородным, но холодным «уроком».

В большинстве авторских высказываний об Онегине, речи самого героя присутствует эмоционально-отрицательное содержание, и лишь в последней главе романа эмоциональный фон постепенно меняется на противоположный. Пушкин тонко выстраивает линию пробуждения «внутреннего человека» [5, с. 396] в Онегине: сначала это потрясение при встрече с Татьяной на балу: «*Ужели, – думает Евгений: – // Ужели она? Но точно... Нет... // Как! из глуши степных селений...*» [8, гл. VIII, строфа XVII]. Внутренний монолог Онегина имеет вопросно-ответную структуру, соответствующую развитию эмоций героя в этой сцене – от сомнения, выраженного несобственно-вопросительными предложениями с частицами *ужели, ужель*, до изумления, эксплицированного в восклицательной конструкции с частицей *как* – «употребляется для выражения удивления, негодования и т.п. по поводу какого-л. качества, свойства, действия, состояния» [11, т. 2, с. 16].

Спокойная, внешне равнодушная реакция Татьяны на появление Онегина – «*Она его не замечает, // Как он ни бейся, хоть умри*» [8, гл. VIII, строфа XXXI] – поначалу вызывает интерес в «душе холодной и ленивой», заставляет вспомнить «науку страсти нежной» в желании покорить не бедную, влюбленную девочку, а «равнодушную княгиню», «неприступную богиню» и – замужнюю женщину. Но, вновь общаясь с Татьяной, Онегин невольно попадает под обаяние ее благородства и простоты, к тому же он до сих пор «*хранит // Письмо, где сердце говорит...*» [8, гл. VIII, строфа XX]. Живая, человеческая сущность героя, искаженная внешними атрибутами онегинского типажа, все же проявляет себя: «*Сомненья нет: увь! Евгений // В Татьяну как дитя влюблен; // В тоске любовных помышлений // И день и ночь проводит он*» [Там же, строфа XXX].

Эмоциональное состояние Онегина обозначено формой предикатива *влюблен*, описательным оборотом «*в тоске любовных помышлений... проводит...*». В авторском высказывании присутствует эмоциональная окраска, выраженная междометием *увы*: «восклицание, выражающее сожаление, сетование по поводу чего-л.» [Там же, т. 4, с. 454]. Если сравнить этот контекст с аналогичным, относящимся к Ольге, быстро забытой Ленского: «*Увы! невеста молодая // Своей печали неверна*» [8, гл. VII, строфа VIII], – то пушкинское восклицание покажется несколько неожиданным и не совсем соответствующим развитию лирического сюжета романа: почему же автор сожалеет о том, что Онегин наконец оказался способен не влюблять в себя, а влюбиться сам? По-видимому, восклицательная конструкция с эмоциональным междометием имеет еще и метатекстный оценочный смысл, рефреном звучащий в строках разных глав: «*С душою, полной сожалений*» – в первой главе; «*В тоске сердечных угрызений*» – в шестой; «*В тоске безумных сожалений*» – в восьмой [6, с. 272-273]. Тем самым создается поэтический лейтмотив несовпадения чувств и судеб героев романа. Автору остается только сожалеть о том, что любовь к Онегину пришла слишком поздно – она воспринимается Татьяной как «мелкое чувство», недостойное человека, у которого, по ее мнению, есть «и гордость и прямая честь». Между тем, письмо Онегина не оставляет сомнений в искренности его признаний. Текст письма изобилует восклицаниями с эмотивными операторами *какой, как*: «*Какое горькое презренье // Ваш гордый взгляд изобразит! Боже мой! // Как я ошибся, как наказан!*» [8, гл. VIII, строфа XXXII].

По способам оформления эмотивности эта строфа сходна с первой строфой первой главы романа: используются междометие *боже мой*, серия восклицаний с интенсификаторами, выражающими усиление эмоционального напряжения говорящего. Но содержание эмоциональной семантики существенно отличается: если в начале романа внутренняя речь характеризует человека холодного и саркастичного, то в письме к Татьяне предстает совсем другой Онегин – испытывающий чувство раскаяния в собственной гордыне, в стремлении к «постылой свободе», которую когда-то не захотел потерять. Он боится, что ему не поверят, томится «жаждою любви», от которой страдает и в то же время оживает его душа. Это состояние героя выражено в восклицании с эмоциональной оценкой действия и предикатом, называющим очень сильное чувство – *блаженство* – «высшая степень счастья» [11, т. 1, с. 96]: «*Нет, поминутно видеть вас, // <...> Пред вами в муках замирать, // Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!*» [8, гл. VIII, строфа XXXII].

Состояние эмоционального напряжения главного героя достигает своей кульминации в финальной сцене романа: Пушкин оставляет Онегина в сильнейшем душевном волнении: «... Стоит Евгений, // Как будто громом поражен. // В какую бурю ощущений // Теперь он сердцем погружен!» [Там же, строфа XLVIII]. Эмотивность выражается в развернутом сравнении «как будто громом поражен»; в восклицании с интенсификатором *какую* используется перифраз «сердцем погружен» в «бурю ощущений». Здесь переплетаются собственно эмоциональное и оценочное значения, отражающие процесс внутреннего, духовного обновления героя.

Таким образом, в авторской речи и высказываниях главного героя романа «Евгений Онегин» семантика эмоциональности как важнейший компонент синтаксической экспрессивности, оценочности и субъективной модальности представлена чаще всего не одним, а несколькими способами, что свидетельствует о сложном переплетении ее разных аспектов в предложении. Высокая частотность эмотивных высказываний, синтаксически оформляющих авторскую модальность, обусловлена лирической структурой романа, раскрывающей эмоциональность самого автора и его отношения к своему герою.

Список литературы

1. **Влавацая М. В.** Коннотативные ограничения на сочетаемость слов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42). Ч. 3. С. 37-40.
2. **Вольф Е. М.** Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. М.: Индрик, 2003. С. 87-101.
3. **Лекант П. А.** Рациональный и эмоциональный аспекты русского предложения // Русский язык в школе. 2004. № 4. С. 75-78.
4. **Лекант П. А.** Субъективная аналитическая категория интенсификации в русском языке // Русский язык в школе. 2011. № 7. С. 74-80.
5. **Непомнящий В. С.** Пушкин. Избранные работы 1960-1990-х гг. М.: Жизнь и мысль, 2001. Т. I. Поэзия и судьба. 496 с.
6. **Непомнящий В. С.** Пушкин. Избранные работы 1960-1990-х гг. М.: Жизнь и мысль, 2001. Т. II. Русская картина мира. 496 с.
7. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
8. **Пушкин А. С.** Евгений Онегин // Пушкин А. С. Сочинения: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2. С. 186-336.
9. **Русская грамматика:** в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1982. Т. II: Синтаксис. 710 с.
10. **Русский язык:** энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.
11. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд.-е. М., 1981-1984.
12. **Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность** / под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1990. 263 с.
13. **Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности.** М.: Наука, 1991. 214 с.
14. **Чумакова Т. В.** Восклицательное предложение как средство выражения семантики эмоциональности в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2014. № 3 (15). С. 99-106.
15. **Чумакова Т. В.** Синтаксические средства выражения авторской модальности в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. 1. С. 199 - 201.

THE WAYS OF EXPRESSING EMOTIONAL SEMANTICS IN THE SYNTAX OF THE NOVEL "EUGENE ONEGIN"

Chumakova Tat'yana Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Branch) in Arzamas
chum_2013@mail.ru

The article is devoted to the problem of emotional semantics presentation in a literary text. The ways and means of showing the categories of expressivity, emotivity, subjective modality and evaluation in the syntax of the novel "Eugene Onegin" by A. S. Pushkin are considered. The structural and semantic features of exclamatory sentences functioning in the speech of the author and main character of the novel are analyzed.

Key words and phrases: emotional semantics; subjective modality; evaluation; expressivity; exclamatory sentence; intensifier; author's modality in a literary text.

УДК 811.512.145

Филологические науки

Статья посвящена анализу лексико-семантических и стилистических особенностей произведений Ахмета Уразаева-Курмаши «Кыйссаи Буз джигит» и «Кыйссаи Тахир и Зухра». Сделана попытка исследования семантико-стилистических особенностей слов, имеющих отношение к миру флоры, фауны. В статье также проведен сравнительный анализ словарного состава произведений с лексикой древнетюркского и старотатарского языков. Авторы приходят к выводу, что рассмотрение лексики по тематическим группам дает возможность глубже вскрыть присущие языку законы внутреннего развития второй половины XIX века.

Ключевые слова и фразы: А. Курмаши; традиционность; тюркоязычные народы; художественно-изобразительные средства; мир флоры и фауны.

Шамарова Гульсина Барыевна, к. филол. н., доцент

Хурматуллина Рашида Шамсиевна, к. филол. н., доцент

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
gshamarova@bk.ru; rashida2008@rambler.ru

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. КУРМАШИ[©]

Автор произведений «Кыйссаи Буз джигит» и «Кыйссаи Тахир и Зухра» Ахмет Уразаев-Курмаши – татарский поэт второй половины XIX века. Его произведения написаны в стиле дастана, в повествовательной форме, сочетающей прозу со стихами.

Ахмет Мухамметзарифович Уразаев-Курмаши родился в небольшом городке Звериноголовске (ныне Притобольный район Курганской области) в семье муллы. Отец поэта Мухамметзариф, когда возвращался из Бухары, остался в Звериноголовске и стал там муллой. Псевдонимом поэта «Курмаши» стало название деревни Курмаш бывшего Мензелинского уезда (ныне Актанышский район), в которой был муллой его дед Мухамметсадык Уразаев. Год рождения поэта неизвестен, но по некоторым данным можно предположить, что А. Курмаши родился в 1855 году. На обложке рукописи «Кыйссаи Буз джигит», отправленной в цензуру, написано: «5-ое декабря 1874 года, Ахмет шакирд». Рукопись «Кыйссаи Буз джигит» хранится в отделе рукописей научной библиотеки КФУ под номером 1510. Если учесть, что Ахмету-шакирду тогда было 18-20 лет, то такое предположение можно считать правильным.

Первоначальное обучение Курмаши прошел в медресе города Звериноголовска, затем он обучался в медресе Абдулбари ахуна в Петропавловске (Кызыльяре). Вероятно поэтому в конце своего дастана «Кыйссаи Тахир и Зухра» поэт называет себя Уразаев-Алькызылджари, Аль-Курмаши.

Первое произведение Курмаши «Кыйссаи Буз джигит» было написано в 1874 году в Кызыльяре.

Из-за отсутствия соответствующего медресе Абдулбари-ахун отправляется вместе со своим сыном А. Курмаши в Казанскую губернию, в известное в те годы медресе Кышкар. Свои летние каникулы они проводили в деревне Кошар Казанского уезда. Именно здесь было написано его второе произведение «Кыйссаи Тахир и Зухра». В 1880 году Курмаши возвращается в Кызыльяр, работает учителем. По словам Г. Рахима, старый мулла деревни Кошар Абдурахман-хазрат был знаком с А. Курмаши [8, б. 31-32]. В 1883 году поэт А. Курмаши скончался. Г. Сагъди отмечает, что у Курмаши были и другие произведения [9, б. 41], но до нас дошли только «Кыйссаи Буз джигит» и «Кыйссаи Тахир и Зухра».

Произведения А. Курмаши были написаны в то время, когда шли формирование татарского национального литературного языка, сближение письменного языка с устно-разговорным. Одни писатели и поэты продолжали традиции старотатарского литературного языка, активно ввели в ткань языка своих произведений книжные шаблоны, художественно-изобразительные средства, характерные для древнетюркского языка. Это объясняется также благотворным воздействием поэм «Кыйссаи Йусуф» Кул Гали, «Кисекбаш китабы», творчества Мухаммедьяра и других. В произведениях Курмаши наблюдаются органическое переплетение и соединение разговорного языка с традиционным письменным языком.

[©] Шамарова Г. Б., Хурматуллина Р. Ш., 2015